

Предисловие

Уважаемый читатель!

Впервые мне приходится единолично публиковать свою статью в электронном формате (до этого были публикации в чужих электронных журналах) и впервые же – предварять ее объяснениями, почему моя работа публикуется так-то и в таком-то виде. Но и то, и другое необходимо. Во-первых, издать ее иначе, не портя и не дискредитируя, оказалось невозможно. Во-вторых, я все-таки считаю ненормальной публикацию научных статей в обход профессиональных журналов, и в нормальном случае так бы не поступил и не советовал другим. Но мне не оставили выбора. Похоже, что профильные журналы просто побоялись печатать статью такого содержания.

Примерно два с половиной года назад я стал всерьез заниматься историей участия Гвардейского Экипажа в революциях 1917 г. То, что с этой темой в историографии дела обстоят «не совсем обычно», стало понятно, когда я впервые раскрыл ключевое для исследования данной темы дело из фонда ГЭ в РГАВМФ. Притом, что лист использования в деле оказался заполненным почти донизу, включая подписи именитых специалистов, историография хранила об этом документе (по крайней мере, о его важнейших листах) подозрительное молчание¹. Подозрения стали подтверждаться, когда я попробовал представить публике результаты своих изысканий – сначала в виде доклада и материалов конференции, затем в виде статей в профильных изданиях – и получил каждый раз отказ на формальных основаниях. (Один раз мне прозрачно намекнули, что не имеют к статье претензии критического характера, а именно не хотят ее публиковать). Попытка разместить статью в зарубежном журнале (для чего я перевел ее на английский язык) закончилась тем же, что и попытки «дома». Можно было бы продолжать рассылать письма и тратить время на переоформление текста, рассчитывая на призрачные шансы, но это уже выглядело делом дурацким. Рубить текст на части или сокращать аппарат я принципиально не хотел, как не хотел и дискредитировать свою работу публикацией ее в какой-нибудь платной помойке. Вариант «замолчать и держать статью под спудом» в данном случае для меня неприемлем.

Представленный в этом файле текст – именно полноценная электронная публикация. Я умышленно не называю ее «препринтом» (пусть даже на главной из платформ, где я размещаю ее, она оформляется, как таковой), потому что не вижу никакой возможности опубликовать статью в профессиональной научной печати в ближайшем будущем. Разрешаю всем желающим свободное копирование данного файла и полное или частичное воспроизведение текста из него без внесения каких-либо изменений и при соблюдении общепринятых правил добросовестной простановки ссылок. Полная ссылка на статью должна включать в себя следующее содержание:

¹ С тех пор появилась только одна известная мне работа, ссылающаяся на него (да и то бегло и касательно второстепенных деталей): Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 2. С. 169.

Стасевич В.А. Мемуарные источники по участию Гвардейского Экипажа в Февральской революции в свете документальных. Электронная публикация. Адрес первоначального размещения: [адрес на ResearchGate]. Дата первоначального размещения: [дата]. DOI: [DOI, присвоенный ResearchGate].

Привести здесь электронный адрес размещения, а также DOI невозможно, т.к. последний присваивается ResearchGate уже после размещения и не допускает последующего внесения в текст никаких изменений. Именно ради DOI ResearchGate условно выбран в качестве главной платформы для публикации.

Буду благодарен, если Вы распространите сведения об этой статье среди тех, в чью сферу научных интересов входит ее тематика.

В.А. Стасевич,
кандидат исторических наук

Владислав Александрович Стасевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Библиотеки Российской академии наук
vlad_stasevich@yahoo.com

В статье анализируются с обращением к архивным документам три мемуарных источника об участии Гвардейского Экипажа в Февральской революции, написанных его чинами: воспоминания Федора Сорокина, великого князя Кирилла Владимировича и никогда целиком не издававшиеся и практически не введенные в научный оборот воспоминания Василия Дубровина. Критикуя существующую историографическую тенденцию, автор показывает низкую ценность всех трех источников для изучения истории Февральской революции и выражает сомнение в целесообразности обращения к мемуарным источникам прежде доступных документальных.

Ключевые слова: Февральская революция, Гвардейский Экипаж, мемуарные источники, документальные источники, Федор Сорокин, великий князь Кирилл Владимирович, Василий Дубровин

Мемуарные источники по участию Гвардейского экипажа в Февральской революции в свете документальных

Участие Гвардейского экипажа (далее – ГЭ) в Февральской революции – событие, до сих пор не получившее удовлетворительного освещения в историографии, а некоторыми авторами отрицаемое. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что главные методологические условия этого – некритический подход к мемуарным источникам по данной теме и известное пренебрежение документальными. В пристрастной полемике вокруг фигуры великого князя Кирилла Владимировича (далее – КВ) стороны используют в качестве источников преимущественно мемуары и публицистику, руководствуясь в их подборе и трактовке политическими предпочтениями, причем, когда речь идет об интересующих нас событиях, полемика ведется в основном о «красном банте» и «красном флаге» и почти игнорирует остальной состав Гвардейского экипажа, помимо командира¹. Некоторые авторы просто говорят о переходе ГЭ на сторону революции, как о факте, не вдаваясь в подробности и доказательства², а иные вообще избегают затрагивать этот вопрос³. В историографии Февральской революции работы, уделяющие внимание роли ГЭ, немногочисленны, касаются ее бегло и в данной части имеют существенный общий недостаток: либо также опираются на воспоминания, либо компилируют сведения мемуаров и документов, не придавая значения разной степени достоверности этих двух родов источников. Это же относится, увы, и к хорошо фундированной истории Гвардейского экипажа, написанной В.Т. Поливановым и Г.И. Бякиным⁴. Единственное исключение составляет статья Д.М. Гузаирова, который опубликовал в ней важные документы о революционных событиях

¹ Самые известные образцы, соответственно, «прокирилловской» и «антикирилловской» литературы, касающиеся этих событий: Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М., 1998. Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? 3-е изд. М., 2004.

² Коршунов Ю.Л. Августейшие моряки. СПб., 1999. С. 81-90. Чернышев А.А. Морская гвардия отечества. М., 2013. С. 38.

³ Таубе Г.Н. Описание действий Гвард. Экипажа на суше и на море в войну 1914-17 г. г. // Морские записки. Том II, № 3. Нью-Йорк, 1944. С. 195-216. Малышев Л.А. Морской Гвардейский экипаж. СПб., 2011. Автор лишь чуть более склонен говорить о революционных событиях в своей последней монографии: Малышев Л.А. Морская лейб-гвардия России. 1690-1918 гг. СПб., 2017. С. 328-329.

⁴ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 122, 134. Борьба большевиков за армию в трех революциях. / Ред. колл. Л.Г. Бескровный и др. М., 1969. С. 108. Hasegawa, T. The February revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981. P. 364-365 (Называя ГЭ «экипажем гвардейского корабля»). Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 50-51, 54-55, 89. Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002. С. 263-265. Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915-1917гг. СПб., 2009. С. 170-172. Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский экипаж. СПб., 1996. С. 303-313.

(о чем еще будет сказано далее), при этом, впрочем, избегая высказываться определенно о характере участия в них ГЭ и несколько неуклюже отрицая явку ГЭ к Таврическому дворцу⁵.

В предлагаемой вниманию читателя статье я стремлюсь частично восполнить историографическую лагуну, а также на наглядных примерах предостеречь добросовестных исследователей от опоры на воспоминания. Для этого я анализирую три известных мне мемуара, написанных чинами ГЭ и касающихся Февраля. Сведения каждого из этих источников подвергаются проверке по документам из главного соответствующего массива – фонда ГЭ в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ, ф. 935). Кроме того, документы названного фонда привлекаются для уточнения биографии и социально-политической позиции двух из трех авторов воспоминаний. Сначала рассматриваются (в порядке первого опубликования) два изданных мемуара, затем – неизданный и практически не введенный научный оборот. Цель последовательной реконструкции событий по документам в настоящей статье не ставится.

В 1932 г. в серии «Дешевая историко-революционная библиотека» (№ 2 (336)) издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев вышла книжка «Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г.». На титульном листе был указан автор «Ф. Сорокин». Хотя полное имя и отчество автора в выходных данных отсутствуют, в тексте мемуара к автору обращаются по отчеству «Данилыч»⁶. Единственное выявленное мной лицо, подходящее на роль автора – эсер Федор Данилович Сорокин (Сорокин-Ковалев, Ковалев), о котором в литературе указывается, что в Первую мировую войну он служил на военно-морском флоте. (Более того, для него это был второй период службы – как утверждается, прежде Сорокин успел побывать военным моряком в 1905-1907 гг.). Если эта идентификация верна, то ко времени выхода книги Сорокин был крайне уязвим и находился в отчаянном положении. Никогда явно не отрекшийся от партийности Сорокин в 1922 г. проходил по известному процессу правых эсеров, но, очевидно, был отпущен под предлогом амнистии до суда и сослан в Нижний Новгород. В 1923 г. Сорокин был вновь арестован по обвинению в побеге и подпольной деятельности, после чего провел в общей сложности (учитывая заключение по следующему приговору) 6 лет в тюрьмах и Соловецком лагере особого назначения. После освобождения в августе 1929 г. Сорокина сослали в Самарканд, а в 1931 г. – в Петропавловск (Казакская АССР). В январе 1932 г. Сорокин писал главе Помполита Е.П. Пешковой с просьбой спасти его сыновей, проживавших в селе Борисовка Мордовского района Центрально-Черноземной области, от раскулачивания. В письме говорится о надежде выручить какие-то средства для помощи сыновьям от публикации в журнале «Каторга и ссылка» (принадлежавшем тому же обществу, что и вышеупомянутое издательство). В 1939 г. Сорокин был вновь арестован в Алма-Ате, 7 июля 1941 г. приговорен ВКВС к

⁵ Гузаиров Д.М. К истории Гвардейского флотского экипажа в дни Февральской революции 1917 года // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти [...] Николая Николаевича Головина (1875-1944). СПб., 2012. С. 167-175.

⁶ Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932. С. 9-10.

расстрелу за контрреволюционную деятельность, 30 июля 1941 г. – расстрелян.⁷ О некоторых других фактах биографии Сорокина, выявленных при анализе источника, мы скажем ниже.

Мемуар начинается с краткого экскурса об участии моряков ГЭ в Первой мировой войне на суше – то есть, собственно, о боевом пути т.н. Отдельных батальонов, в 1915 г. слитых в единый Отдельный батальон (далее – ОБ). Заметим, что о тех моряках ГЭ, которые в войну продолжали нести службу в Петрограде и на Балтике в целом, во всем тексте не говорится ничего. О своей службе автор скупно сообщает, что в Одессу, где произошло слияние батальонов, он «прибыл с первым из них»⁸. В начале 1917 г. (точная дата не указана), когда ОБ, находящийся к тому времени в Измаиле, начинают перебрасывать в Петроград, автор по какой-то причине вновь оказывается в Одессе, и там же встречается с основной массой сослуживцев при погрузке их в эшелоны. По словам Сорокина, к этому времени никто в ОБ не сомневается, что их вызывают в столицу для подавления нарастающей революции⁹. Но 15 февраля батальон прибывает не в Петроград, а на ближайшую к Царскому Селу «станцию Александровку» (Александровскую), где часть ОБ расквартировывают, автора же в составе «команды подрывников и службы связи» размещают в деревне Редько-Кузьмине неподалеку¹⁰.

Позволим себе воздержаться от дальнейшего пересказа мемуара, тем более что книга сейчас оцифрована и находится в открытом доступе благодаря ГПИБ¹¹, и вместо этого охарактеризуем содержание в целом в ряде аспектов. Повествование, изрядно отдающее беллетристикой (особенно в эпизоде с неудавшейся интригой старшего лейтенанта Хвоцинского) преимущественно касается событий в Царском Селе и его окрестностях. Рассказ о петроградских событиях ограничен, во-первых, описанием прибытия ОБ к Путиловскому заводу, где якобы без ведома моряков была подготовлена рабочими торжественная встреча; во-вторых, словами о шествии батальона к Таврическому дворцу «для предоставления себя в распоряжение Исполнительного комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов»¹². Кстати, слова о шествии с Кириллом Владимировичем во главе, цитируемые из мемуара Сорокина в книге А.Н. Закатова¹³, в исходном тексте вложены

⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников., К.Н. Морозов, И.В. Чубькин. М., 2002. С. 166, 879-880. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 - 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 180. (Об амнистии «Ковалева»). Голоса Архипелага // Голос Эпохи. № 1 – 2014. С. 242-244. База данных общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР»: <http://base.memo.ru/person/show/2655158> (Проверено 10.11.2018. Доступ свободный).

⁸ Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932. С. 5-6.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 13-14. До этого автор единожды походя дает понять о своей принадлежности к «минной команде» (с. 10). Неясно, имеется ли в виду та же команда, о которой идет речь позднее, или более специализированная.

¹¹ <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/33589> (Проверено 30.07.2017. Доступ свободный).

¹² Сорокин Ф. Ук. соч. С. 47-49, 54.

¹³ Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. С. 62.

в уста «матросов-канцеляристов», позднее выдвигающих кандидатуру КВ на выборах нового командира экипажа¹⁴. Притом, что выше при словах о шествии Сорокин уточняет «исключая разбежавшихся офицеров», в его подаче апология КВ предстает ложной¹⁵.

Текст небогат хронологическими ориентирами. После приведенной даты прибытия следующей упоминается только 26 февраля. Бунт (сперва в виде пассивного неповиновения офицерам) начинается 27 февраля, основные события происходят 28 февраля, в ночь на 1 марта матросы ГЭ и присоединившиеся к ним армейские части выступают из Пулкова в сторону Петрограда. Явка к Таврическому дворцу происходит «после обеда»¹⁶. Далее хронология вновь становится туманной. «По возвращении из Таврического дворца» (очевидно – в Царское Село, раз личный состав в Петрограде и местные казармы ГЭ автором игнорируются) матросы начали «осуществление на деле идеи выборности»¹⁷. «На следующий день» происходят выборы ротных командиров, «далее» – выборы экипажного комитета и командира экипажа¹⁸. В некий момент после этих выборов в экипаж является КВ, выступает перед общим собранием с просьбой оставить его в составе Экипажа, которую оставляют без удовлетворения¹⁹. Помимо этого, «через два-три дня, по возвращении из Таврического дворца»²⁰ в Экипаже начинают появляться разбежавшиеся офицеры, некоторых из которых (включая бывшего командира ОБ капитана 1 ранга Мясоедова-Иванова) отправляют в карцер.

Сам автор-рассказчик действует в мемуарах очень редко. Для этого приводится объяснение: он-де страдал сильной болью в ногах и поэтому редко выходил из дома-квартиры в Редько-Кузьмине (в котором, впрочем, собирались революционно настроенные сослуживцы). Один раз рассказчик выходит из дома для условленной встречи²¹. Тем не менее, большая часть повествования ведется от безучастного третьего лица. Как именно автор узнал о большинстве описанных событий (а они происходят за пределами дома и деревни) – не объясняется.

Рассказчик, естественно, нигде не говорит о своей принадлежности к эсерам, но любопытнее, что политические партии не фигурируют в мемуаре вообще – восстание предстает совершенно стихийным. Это означает и то, что никакой роли не играют большевики.

Хотя «беллетристический» эпизод сюжета выглядит сомнительным, а ряд элементов (роль автора в событиях, их ход после явки ГЭ в Таврический дворец) – умышленно затемненными, ничто в тексте не предстает явно ложным или нелепым, кроме одного – прибытия восставших к Путиловскому заводу. Двигаясь из Пулкова к центру Петрограда, было невозможно прибыть к заводу «по пути» – для этого

¹⁴ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 56.

¹⁵ Это, к слову, делает бессмысленными упреки Сорокина во лжи о «пулеметах на крышах».

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 57-58.

²⁰ Пунктуация авторская. Там же. С. 58.

²¹ Там же. С. 17, 21.

понадобилось бы сделать большой «крюк» на северо-запад (скорее всего, от Средней Рогатки по Царскосельской ул. – совр. Краснопутиловской).

Перейдем к документальной проверке. Сразу укажем: собственно революционные события в документах упомянутого фонда (как делопроизводства ОБ, так и по ГЭ в целом) отражены только косвенно, и то неполно. В вышеупомянутой статье Д.М. Гузаирова цитируются целиком два документа, составленные уже после революции и утверждающие, что ОБ покинул Царское село с революционными намерениями и что Хвошинский, а также командир третьей роты лейтенант Сольский безуспешно пытались помешать этому, причем первый угрожал морякам расстрелом²². Это – весьма достоверное частичное подтверждение рассказа Сорокина (без приключенческих подробностей), но в остальном документальные свидетельства скудны. Нам не удалось выявить в фонде собственно приказ о переброске ОБ в Петроград, хотя она и оставила иной след. Активность, которая может иметь к этому отношение, начинается еще в декабре 1916 г., когда ОБ находится в Измаиле: из ОБ в Петроград отправляются мичман Левякин[?] и лейтенант Воронов с предписанием явиться к командующему ГЭ или его заместителю. 28 января командир ОБ кап. 1 ранга Мясоедов-Иванов телеграфирует в Петроград Кириллу Владимировичу о том, что командует к нему «первым транспортом» лейт. Крюера²³. На отрезке с 20 января по 9 февраля заведующий строевой частью ОБ старший лейтенант Родионов дважды командирован в Одессу, передавая обязанности ст. лейт. Хвошинскому и, возвращаясь, принимает их вновь²⁴. 9 февраля кап. 1 ранга Папафедоров доносит КВ из Одессы о том, что «батальон прибыл 5 февраля. Последний эшелон отбыл 7го нр. 259»²⁵. Приказ по ОБ от 18.02.1917 фиксирует прибытие и расквартировку батальона на станции Александровской. Интересны два из следующих приказов, возможно, выражающие подготовку к подавлению революционных волнений. Приказом от 22.02 № 30 назначается сборный пункт для дежурных рот, пулеметных взводов и батальона на Волхонском шоссе против кают-компаний. Приказ от 26.02 № 32 предписывает заведующим оружием произвести в ротах и командах осмотр огнестрельного оружия²⁶. Важнейшие революционные дни – с 27 февраля по 3 марта – в делах, на которые мы пока что ссылались, отмечены или лакунами, или малоценной или просто рутинной информацией.

Не находит четкого решения и вопрос о том, каким образом сменилась власть в Экипаже – во всяком случае, описанные Сорокиным «выборы» непосредственно не отражены. Однако похоже, что выдвижение следующего командира ГЭ, кап. 1 ранга М.М. Лялина, началось еще при командовании КВ. В росписи командного состава на 6

²² Гузаиров Д.М. К истории Гвардейского флотского экипажа..., С. 173-174. Цитируемые документы: РГАВМФ. Ф. 935. О. 1. Д. 2207. Л. 50, 53.

²³ РГАВМФ. Ф. 935. О. 1. Д. 2124. (Дело канцелярии ГЭ. Переписка с ОБ ГЭ). Л. 15-17, 18.

²⁴ Там же. Д. 2166. (Дело без названия, по содержанию – книга перемены личного состава). Л. 72, 74 об., 75 об., 77.

²⁵ Там же. Д. 2124. Л. 19.

²⁶ Ф. 935. О. 3. Д. 203. Л. 67, 77, 79. (Приказы по хозяйственной части ОБ ГЭ).

марта Лялин уже значится пом. командира Экипажа²⁷. Ей же подтверждается описанное Сорокиным отстранение от власти офицеров ОБ, предстающих у него наиболее одиозными: командира Мясоедова-Иванова, пом. командира по хозяйственной части ст. лейт. Кублицкого²⁸, командира 2 роты ст. лейт. Хвощинского – они заменены в этих должностях, соответственно, на лейт. Кузьмина (представлен у Сорокина участником восстания), инженер-механика кап. 1 ранга Грачева, поручика Панова. Правда, если ориентироваться на список «дореволюционного» командного состава ОБ, приведенный в сочинении Таубе, то сменились командиры всех четырех рот и начальник пулеметной команды²⁹. К росписи мы еще вернемся далее.

Под позднейшими датами содержатся записи о зачислении Мясоедова-Иванова (14.07) и Кублицкого (15.07) в резерв³⁰. В одном из дел отмечено, что новый командир 4 роты ОБ, прапорщик Златоустовский, был назначен в батальон непосредственно Государственной Думой³¹. Что касается командира всего ГЭ, то Лялин вступает в командование 8 марта. 10 марта датирована запись об утверждении Лялина в должности приказом по флоту и морскому ведомству от 09.03.1917.³² Есть в фонде и другие документы, касающиеся ухода КВ с командования, но о них целесообразнее говорить в связи с этим автором.

Мы проверили достоверность мемуара и с другой стороны: поиском в документах сведений о лицах, упоминаемых Сорокиным. Оказалось, что для них в большинстве случаев подтверждается не только служба в ГЭ, но и статус, причем это относится не только к офицерам (о которых еще можно было узнать понаслышке), но и к нижним чинам. Таковы, кроме уже названных офицеров, мичман Чигаев и подпоручик Бардаш³³, «минер Гриша Давыдов»³⁴, «подрывник Лызлов»³⁵, «ординарцы А.В. Батури и П.А. Хорошунов»³⁶. Не удалось определить соответствия «матросу

²⁷ Ф. 935. О. 1. Д. 2166. Л. 78 об. – 79 об. Последнее упоминание Лялина перед этим – от 24.02, в связи с назначением его вместе с кап. 2 ранга кн. Вадбольским временными членами временного Военно-Морского суда.

²⁸ Сорокин неверно называет его «кавторангом».

²⁹ Таубе Г.Н. Описание действий Гвард. Экипажа на суше и на море в войну 1914-17 г. г. С. 216.

³⁰ Ф. 935. О. 1. Д. 2166. Л. 89 об. Вопреки утверждению Поливанова и Бякина (С. 314-315), в переписке по поводу расформирования ОБ от 10-26 марта со стороны ГЭ участвовал не Мясоедов-Иванов, а Лялин: Д. 2124. Л. 32, 34, 36.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Там же. Д. 2166. Л. 79 об.

³³ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 22 и др. Ф. 935. О. 1. Д. 2166. Л. 75 об., 77, 77 об., 85 об. Д. 2193. Л. 115-117, 122 об.

³⁴ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 9 и др. Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 131. О. 4. Д. 182. Л. 11-12 об.

³⁵ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 24. Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 132. О. 3. Д. 188. Л. 6 об.

³⁶ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 17 и др. Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 301 (как, соответственно, «матрос 1й ст.» и «штаб-горнист»).

Яковлеву»³⁷ (по понятным причинам), а также «товарищу Сухачеву – мастеру по шорному делу»³⁸.

Сложнее и интереснее обстоит дело с документами о самом авторе мемуара. Мы смогли выявить только одно упоминание о подрывнике Федоре Сорокине – это пункт в одном из приказов по ГЭ, согласно которому старший минер Федор Дмитриев (так!) Сорокин 1908 г. службы исключается с довольствия при экипаже с 1 марта 1917 г. (задним числом) ввиду отправки на излечение в Петроградский Адмиралтейский госпиталь Императора Петра Великого³⁹. В описи, содержащей биографические документы о нижних чинах (приемные формуляры, послужные листы и т.п.), человека с таким ФИО, а равно других подходящих на роль автора Федоров Сорокиных или Ковалевых, нет⁴⁰. Но наше внимание привлек минер Петр Сорокин 1908 г. сл., призванный из запаса и упоминаемый наряду с уже известным нам Лызловым в одном из дел ОБ⁴¹. Из трех Петров Сорокиных, фигурирующих в документах из указанной описи, подходит по возрасту один – Петр Михайлович Сорокин. Для него сохранился т.н. послужной лист – документ, фиксирующий призыв из запаса и последующую службу, однако, что примечательно, не оригинал (как у многих других нижних чинов), а дубликат. Согласно этому дубликату, П.М. Сорокин имел срок службы с 1908 г. и некогда был зачислен в запас ГЭ. Как требует формуляр документа, сверху него значится соответствующий «алфавит уездного воинского начальника» – в данном случае, Симбирского. 30 июля 1914 г. П.М. Сорокин был принят из запаса на действительную службу на Особом сборном пункте запаса флота в Санкт-Петербурге⁴². Нашлись в документе и иные биографические сведения, но нам было очевидно, что полнее в этом плане сведения из других источников: т.н. алфавитов нижних чинов - специфического вида документов ГЭ, содержащего в себе подобия офицерских послужных списков. Мы обратились к такому алфавиту, фиксирующему службу моряков, срок которой считался с 1908 г. Здесь обнаружили сразу две персоналии, представляющие «двойниками» не только друг другу, но и П.М. Сорокину – «Сорокин Федор Данилов» и «Сорокин Петр Михайлов»⁴³. Соотношение важнейших сведений обо всех трех «биографических близнецах» проще всего представить в виде таблицы:

³⁷ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 60.

³⁸ Сорокин Ф. Ук. соч. С. 21.

³⁹ Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 219.

⁴⁰ Нижние чины Сорокин Федор Степанович (Ф. 935. О. 4. Д. 350. № 48) и Ковалев Федор Васильевич (Там же. Д. 231. № 14) явно не подходят по возрасту, имея срок службы, соответственно, не ранее чем с 1893 и 1889 гг.

⁴¹ Ф. 935. О. 3. Д. 188. (Списки рядовых ОБ, переписка об их прикомандировании и производстве).

⁴² Ф. 935. О. 4. Д. 350. Л. 100-101 об. Заметим, что минер Григорий Давыдов имел тот же срок службы и тоже призывался из запаса: Там же. Д. 182. Л. 11-12 об.

⁴³ Ф. 935. О. 1. Д. 1600. Л. 490 об.-491, 518 об.-519.

Сорокин Федор Данилов (алфавит)	Сорокин Петр Михайлов (алфавит)	Сорокин Петр Михайлов (послужной лист)
Из крестьян Тамбовской губ. Усманского уезда Карпельской вол. села Борисовки	Из крестьян Симбирской губ. и уезда Тусинской вол. села Криуш.	Из крестьян.
Р. 15.02.1886, правосл., грам., жен. на Елене Васильевой, сын Иван.	Р. 17.12.1885, правосл., грам., холост.	-
Принят в Усманском уездном по воинской пов-ти присутствии в 3 призывном уч-ке 17.10.1907.	Принят в Симбирском уездном по воинской пов-ти присутствии во 2 призывном уч-ке 22.10.1907.	-
Действ. Сл. С 01.01.1908, на 5-летнем сроке	Действ. Сл. С 01.01.1908, на 5-летнем сроке	Начало службы с 01.01.1908.
Опр-н в ГЭ 02.12.1907.	Опр-н в ГЭ 11.11.1907.	-
В матросы 2 ст. 07.04.1908.	В матросы 2 ст. 07.04.1908.	-
В минеры 24.07.1909.	В минеры 24.07.1909.	-
В матросы 1 ст. 26.09.1909.	В матросы 1 ст. 26.09.1909.	-
Пожалована «французская» сер. медаль – 30.09.1909 ⁴⁴ .	Пожалована «французская» сер. медаль – 30.09.1909.	Медаль «французская» серебряная.
Всемиловнейше пожалованы сер. часы – 24.07.1910.	Всемиловнейше пожалованы сер. часы – 22.07-02.09.1912 [так! – В.С.]	Всемиловнейше пожалованные серебряные часы.
В старшие минеры с 27.09.1911	- [см. ниже]	- [см. ниже]
Уволен в запас флота 01.10.1912 г.	Уволен в запас флота 01.10.1912 г.	
Призван из запаса на действ. сл. и зачислен по спискам ГЭ с 30.07.1914 г.	Призван из запаса на действ. сл. и зачислен по спискам ГЭ с 30.07.1914 г.	Принят из запаса на действ. сл. и зачислен по спискам ГЭ с 30.07.1914 г.
Нагр-н сер. медалью «За усердие» на Станиславовской ленте 06.07.1915.	Нагр-н сер. медалью «За усердие» на Станиславовской ленте 06.07.1915.	Нагр-н сер. медалью на Станиславовской ленте 06.07.1915.
	В старшие минеры 25.09.1915.	Старший минер с 01.01.1915.

⁴⁴ Возможно, имеет отношение к визиту Николая II в Шербур в 1909 г. на борту яхты «Штандарт», приписанной к Гвардейскому Экипажу. Малышев Л.А. Морской Гвардейский экипаж. С. 254. Он же. Морская Лейб-гвардия России. С. 306.

Очевидно, что Федор-Петр Михайлович-Данилович Сорокин-Ковалев по крайней мере один раз фальсифицировал свою биографию, а не исключено, что и хотя бы частично присвоил себе биографию другого лица. Напрашиваются вопросы о том, не подготовился ли он заблаговременно к революционной деятельности в рядах ГЭ, и не оказывал ли ему кто-то, имевший административно-бюрократические полномочия в Экипаже, поддержку в этих махинациях. От последнего подозрения особенно трудно отмахнуться, просматривая биографии пары «двойников», расположенные на близких страницах одной и той же учетной книги.

Предпоследний командир Гвардейского Экипажа великий князь Кирилл Владимирович не нуждается в представлениях, чего нельзя сказать о его мемуаре. Оригинал этой книги вышел в Лондоне на английском языке в 1939 г.⁴⁵ – через год после смерти основного автора – с последней главой, написанной его сыном Владимиром Кирилловичем. Отечественному читателю обычно доступны только переводы мемуара на русский: во-первых, вышедший в 1996 г.⁴⁶, в котором опущена последняя глава; во-вторых, включающий ее, изданный в 2006 г.⁴⁷; наконец, интересующий нас фрагмент о событиях Февраля минимум один раз издан отдельно – в приложении к уже упоминавшейся книге Закатова⁴⁸. Мы сочли необходимым обратиться к оригиналу⁴⁹. Читателю сразу бросается в глаза такое отличие от переводных изданий, как примечание на титульном листе о том, что первые восемь глав (т.е., собственно, все, написанные КВ) отредактированы барристером князем Леонидом Ливеном («H.S.H. Prince Leonid Lieven, B.A. (Oxon.), Barrister at Law of the Middle Temple»)⁵⁰. Об этой редакции бегло говорится в конце предисловия к изданию перевода 1996 г.⁵¹, в издании же 2006 г. факт не обозначен никак. Считать его малозначительным нельзя: если книгу доверили редактировать профессиональному юристу британского права, это может означать целенаправленное устранение или переработку любых потенциально опасных или неудобных мест. Конечно, нельзя исключить участия в редакции и Владимира Кирилловича, а равно и других лиц после смерти КВ, но делать выводы об этом было бы можно, только имея доступ к рукописи (рукописям). На этом перейдем к изданному тексту.

⁴⁵ H.I.H. the Grand Duke Cyril. My Life in Russia's Service – Then and Now. L., 1939.

⁴⁶ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. М., 1996.

⁴⁷ Великий князь Кирилл Владимирович. Воспоминания. М., 2006.

⁴⁸ Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М., 1998.

⁴⁹ Использовалось факсимильное переиздание 1995 г.: [S.l.]: a Royalty Digest Reprint, 1995.

⁵⁰ Изданный реестр Миддл-Темпла указывает, что князь Леонид Павлович Ливен, имевший 21 год от роду, был принят на учебу при этой юридической корпорации 1 июля 1930 г.: Register of Admissions to the Honourable Society of the Middle Temple. Volume III. L., 1949. P. 923. Этому лицу может соответствовать только обозначенное номером 45 в справочнике: Дворянские роды Российской империи. Т. 2: Князья. Авт.-сост.: П. Гребельский и др. СПб., 1995. С. 167. В рассматриваемом мемуаре говорится о том, как его автор гостил в имении Павла Павловича Ливена (очевидно, номер 32 на той же схеме, т.е. отец редактора) в 1910(?) г.: My Life in Russia's Service. P. 187.

⁵¹ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. М., 1996. С. 30.

Рассказ о революции, интересующий нас, завершает собой мемуар и представляет собой мелкий относительно его общего объема фрагмент: девять с половиной страниц⁵². Сразу после утверждения о том, как автор и его жена «встретились в столице в начале февраля», следуют слова: «Я получил командование Гвардейским Экипажем от Императора...» («I had received the command of the Naval Guards from the Emperor...»). Это – не просто неудачная фраза: ранее автор говорит о предшествующем ходе Первой мировой войны так, как будто не командовал в это время ГЭ. В 1914 г. КВ, по его словам, «был назначен в морское подразделение адмирала Русина при штабе великого князя Николая, который был нашим главнокомандующим в начале войны»⁵³. Действительно, 03.08.1914 г. КВ отправился в Штаб Верховного главнокомандующего⁵⁴, но в остальном цитата состоит из путаницы. Адмирал А.И. Русин возглавлял т.н. Морской штаб Ставки, сформированный только в январе-феврале 1916 г., когда верховным главнокомандующим был уже сам царь; при верховенстве великого князя Николая Николаевича существовало т.н. Военно-морское управление при его штабе, возглавляемое контр-адмиралом А.В. Ненюковым⁵⁵. Далее, если верить мемуару, только в 1916 г. рассказчик «был произведен в контр-адмиралы и получил командование военно-морским отрядом, который выполнял полезные саперные работы на наших реках и озерах»⁵⁶. Согласно послужным спискам КВ, отложившимся не только в фонде Экипажа, но и в специальном фонде-коллекции, великий князь был назначен и.о. наблюдающего за морскими командами в действующей армии вместо заболевшего контр-адмирала графа Толстого 21.10.1914 г. (позднее назначение стало постоянным, а должность дважды переименовывалась). В контр-адмиралы КВ был произведен (с зачислением в Свиту) 23.02.1915 г., а менее чем через месяц (16.03) был назначен командиром ГЭ с сохранением прежней должности⁵⁷. Далее, не некий отряд, а Отдельные батальоны ГЭ действительно выполняли упомянутые в мемуаре работы – но только в конце 1914 – первой половине 1915 г.⁵⁸ Полностью умалчивая о боевом пути ОБ, автор избегает противоречия с той линией, которую проводит вплоть до конца мемуара – что фронтовые части якобы сплошь состояли из пылких монархистов, а «гидра революции» смогла поднять голову только в тылу. Само собой, это отчасти снимает с командира ответственность за позднейшие революционные настроения в ГЭ.

Вернемся в 1917 г. Хронология излагаемых событий расплывчата, кое-где хромает: после экспрессивного описания беспорядков «во второй половине февраля» («during the later part of February») говорится, что «следом было получено сообщение о мятеже Балтийского флота в Гельсингфорсе» («Next the report of the mutiny of the Baltic Fleet at Helsingfors was received»). На самом деле, как известно, восстание в

⁵² My Life in Russia's Service. P. 204-213.

⁵³ «I was appointed to the Naval Department of Admiral Russin on the staff of Grand Duke Nicholas, who was our Commander-in-Chief at the beginning of the War». P. 196.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 406. О. 9. Д. 1766. Л. 9. Ф. 935. О. 4. Д. 35. Л. 88.

⁵⁵ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. М., 2011. С. 185-186.

⁵⁶ «I was promoted to the Rank of Rear-Admiral and received the command of a naval detachment which did some useful work on our lakes and rivers as sappers». P. 199.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 406. О. 9. Д. 1766. Л. 9. Ф. 935. О. 4. Д. 35. Л. 88.

⁵⁸ Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский экипаж. С. 235-261.

Гельсингфорсе началось только 3 марта⁵⁹. Впрочем, ГЭ «до сих пор сохранял верность... и не был заражен тем, что происходило в тылу»⁶⁰. Далее в некоторый момент, когда ситуация в столице стала критической, автор приказал «одному из своих батальонов Гвардейского экипажа, охранявших императорскую семью в Царском Селе»⁶¹, отправиться в Петроград для соединения с остальным ГЭ – «почти единственной верной частью, на которую можно было бы положиться для поддержания порядка», причем сделано это было с согласия императрицы⁶². Позднее «однажды» («one day») к КВ является офицер Экипажа с сообщением, что «матросы заперли офицеров» и «в казармах назревают серьезные неприятности». Командир отправляется в казармы и, обратившись к матросам, «восстанавливает порядок». При этом Экипаж «очень разозлен» («in an ugly temper»), но сохраняет личную преданность командиру⁶³.

«В последние дни февраля» «Правительство» (не уточняется – какое) ради поддержания порядка обращается ко всем войскам и их командующим с призывом явиться к Думе и заявить там о своей лояльности («the Government issued an appeal to all troops and their commanders to show their allegiance to the Government by marching to the Douma and declaring their loyalty»). Поколебавшись, хотя «Правительство» и «не было еще открыто или официально революционным», автор решает подчиниться воззванию – чтобы, опять-таки, спасти порядок и сохранить ГЭ под контролем от «революционной заразы»⁶⁴. Когда КВ вновь является в казармы, матросы сами требуют, чтобы их вели к Думе, что он и делает, после обстрела по пути пешком пересев в автомобиль. В Думе автор якобы не делал ничего, пребывая «под охраной своих людей». Вечером автор возвращается назад уже на машине, поданной студентом Горного института («a mining student»).

Через еще несколько эмоциональных пассажей сообщается о том, что 3 марта наступила «развязка ужасной трагедии»: пришли вести об отречении Николая II. Едва узнав об этом («as soon as I heard what had happened»), КВ подает в отставку и отправляется в Экипаж для последнего обращения к бывшим подчиненным. КВ убеждает их сохранять дисциплину и верность стране и повиноваться начальству (т.е. уже новому). Экипаж якобы встречает новости об отречении «со слезами на глазах» и заявляет о личной преданности бывшему командиру, которая продолжает проявляться и после его отставки – до отъезда КВ из Петрограда в Финляндию в июне 1917 г.⁶⁵

⁵⁹ Февральская революция 1917 года // Красный Архив. Т. 3 (22). М.-Л., 1927. С. 35-36 и далее. Ранее, но все равно не «во второй половине февраля», а 1 марта, началось восстание в Кронштадте. Там же. Т. 2 (21). С. 40 и далее.

⁶⁰ My Life in Russia's Service. P. 204-205.

⁶¹ «One of my Naval Guard battalions...». К тому времени единственным «батальоном» ГЭ был Отдельный – на остальные подразделения батальонная структура не распространялась.

⁶² Ibid. P. 206.

⁶³ Ibid. P. 207-208.

⁶⁴ Ibid. P. 208-209. Из слов автора следует, что колебался он, сомневаясь не столько в законности самого правительства, сколько потому, что ему могло понадобиться «пожертвовать личной гордостью» («with the sacrifice of my personal pride») - видимо, подчинившись тем, кто доселе не были его начальниками.

⁶⁵ Ibid. P. 210-212.

Рассказ о Феврале вызывает минимум четыре сомнения в правдивости и откровенности автора, на которые нельзя ответить ссылкой на изъяны памяти. Во-первых, слова об уходе матросов ГЭ из Царского Села прямо противоречат изданным письмам царицы Александры Федоровны к Николаю II от 2 марта, из которых явствует, что КВ не согласовывал с ней своих действий⁶⁶. Во-вторых, ничего достоверно не известно о таком февральском правительственном воззвании, о каком говорит автор. Самое близкое к этому – воззвание М.В. Родзянко от имени Временного Комитета членов Государственной Думы, которое опубликовано во втором выпуске т.н. «„Известий“ революционной недели» от 28 февраля. Оно содержит только общие фразы о «взятии в свои руки восстановления государственного и общественного порядка» и об уверенности в помощи от населения и армии «в трудной задаче создания нового правительства»⁶⁷. Днем ранее было опубликовано воззвание к войскам с призывом присылать выборных представителей в здание Думы – но не от Временного Комитета, а от Совета рабочих депутатов⁶⁸. Единственный современный событиям источник, говорящий о подобном воззвании – телеграмма, направленная в ночь на 1 марта из Ставки генералом Алексеевым в Царское Село и позднее дублированная для командующих и штабов всех фронтов⁶⁹. Оставляя в стороне вопрос о правдивости этой телеграммы, в обоснование которой Алексеев ссылался на некие «частные сведения», подчеркнем: адресатами ее были генералы в штабах фронтов и двигавшийся с отрядом из Ставки в Царское Село генерал Иванов, а не Кирилл Владимирович, который пребывал в гуще событий.

В-третьих, странны слова о том, что «Правительство» (Временное – иначе понимать текст нельзя) в некоторый момент «еще не было революционным». В первом выпуске «Известий» от 27 числа было опубликовано постановление совета старейшин Государственной Думы, объявленное тем же Родзянко и начинающееся со слов: «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой»⁷⁰. Трудно не назвать эти слова революционными – а ведь они публиковались еще на пороге создания Временного правительства. В-четвертых, рассказчик умалчивает о ряде важных событий. Ничего не говорится ни о переписке, происходившей 1-2 марта между КВ и великим князем Павлом Александровичем, ни о подготовленном КВ еще в первой половине февраля проекте конституционной реформы – фактах, которые сейчас признаются и «кирилловцами»⁷¹. Ничего не сказано и о собственном «условном отречении» КВ по образцу отречения великого князя Михаила Александровича – документе, хранящемся в ГАРФ⁷².

⁶⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Том V. М.-Л., 1927. С. 228 («...даже Экип. покинул нас сегодня вечером...»), 230 («Кирилл ошалел, я думаю...»).

⁶⁷ Первые шаги исполнительного комитета. II. // «Известия» революционной недели. № 2 (28 февраля). Здесь мы не ставим задачу сличения мемуаров КВ с заметками о его действиях в этой же газете.

⁶⁸ Воззвания совета рабочих депутатов. // «Известия» революционной недели. № 1 (27 февраля).

⁶⁹ Февральская революция 1917 года // Красный Архив. Т. 2 (21). С. 31.

⁷⁰ Делегация революционных войск в Г. Думе // Там же.

⁷¹ Кирилл I Владимирович, государь император всероссийский в изгнании. 1876-1938. / Ред. К.К. Немирович-Данченко. М., 2006. С. 16, 18-20. (Проект: ГАРФ. Ф. 601. О. 1. Д. 2088. Л. 2 – 4 об.).

⁷² ГАРФ. Ф. 601. О. 1. Д. 1263. Л. 3. (Факсимиле опубликовано в приложении к книге Назарова: С. 167).

Для проверки слов Кирилла Владимировича по документам из фонда ГЭ ключевой является книга приказов по строевой части Экипажа за интересующее нас время (Ф. 935. О. 1. Д. 2193)⁷³. Все приказы в ней собственноручно подписаны командиром, т.е. являются собственно оригиналами приказов⁷⁴. Картина, восстанавливаемая на их основании, резко противоречит нарисованной в мемуарах.

Первое отражение революционных событий появляется в приказе № 61 от 2 марта⁷⁵. Пункт 2 предписывает провозгласить в Экипаже приказы члена Временного комитета М. Караулова, по которым требуется арестовывать, среди прочих, «чинов наружной и тайной полиции и корпуса жандармов», а также «сановников и генералов, буде таковых придется задерживать». Из подписи КВ под собственно приказом по Экипажу исчезает присутствовавшее ранее свитское звание (слова «Свиты Его Величества...»).

Приказ № 62 от 3 марта⁷⁶ также воспроизводит тексты, исходящие от думских властей. Во-первых, оглашается состав теперь уже Временного правительства. Во-вторых, воспроизводится воззвание последнего, содержащее фразы о достижении «успеха над темными силами старого режима», «полной и немедленной амнистии по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям военным восстаниям аграрным преступлениям и т.д.»⁷⁷, наконец, о неразоружении и невыводе из Петрограда «воинских частей, принимавших участие в революционном движении», что позволяет заключить, что ГЭ к этому времени воспринимался и воспринимал себя сам как часть революционная. Из прочих цитируемых текстов отметим воспроизводимый «задним числом» приказ Временного комитета от 2 марта, содержащий слова о «свержении старой власти».

В начале приказа № 63 от 4 марта⁷⁸ объявляется для оглашения телеграмма Николая II генералу Алексееву о назначении председателем совета министров князя Львова, а сразу за ней – манифест об отречении Николая II («переданный Командующим флотом Балтийского моря вице-адмиралом Непениным по юзограмме»), а также отречение в. кн. Михаила Александровича. В этом же приказе оглашается предписание Военной Комиссии при Временном правительстве к Гвардейскому Экипажу «состоять в полном распоряжении Петроградского Общественного Градоначальника, профессора Юревич [так – В.С.]» (от 2 марта за № 255). Из подписи Кирилла Владимировича исчезают и слова «великий князь» – вместо них и перед именем стоит росчерк, который можно понять, как монограмму «КВ».

⁷³ Содержание ее в интересующем нас отношении частично дублируется книгой приказов по хозяйственной части (Там же. Д. 2196), также оригинальных. Поскольку последняя не содержит никаких уникальных сведений в этом плане, мы не будем приводить ссылки на ее листы.

⁷⁴ В рассматриваемый период - кроме только промежутка с 08 по 18 января, когда КВ временно замещал на посту контр-адмирал Р.Д. Зеленецкий.

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 143 об. – 144 об.

⁷⁶ Там же. Л. 144 об. – 147.

⁷⁷ Пунктуация оригинала.

⁷⁸ Там же. Л. 147 – 149 об.

Приказы № 64 от 5 марта и № 65 от 6 марта⁷⁹ подписаны уже просто «Контр-адмирал Кирилл Владимирович». Последний из них содержит объявление списка «офицеров и чиновников, несущих службу в Гвардейском экипаже» – совершенно совпадающего с тем, что мы встречали в книге перемены личного состава, анализируя мемуар Сорокина⁸⁰.

Как предыдущий, подписан и приказ № 66 от 7 марта⁸¹. Через небольшой промежуток после подписи, внизу того же листа, содержится дополнение к приказу от того же числа, содержащее заявление об уходе Кирилла Владимировича в отставку. Хотя основной текст дополнения явно написан рукой иного писаря, нежели предыдущие приказы, почерк новой подписи («Контр-адмирал Кирилл») ничем не позволяет усомниться в ее подлинности. Следующий приказ подписан уже новым командиром Гвардейского Экипажа М.М. Лялиным⁸².

Итак, Кирилл Владимирович принял революцию, свержение старой власти и новую власть Временного правительства. При его же командовании Гвардейский Экипаж стал революционной частью, и Кирилл же не позднее 6 марта санкционировал свершившуюся смену офицеров на командных должностях. Новости об отречении Николая II, опубликованные в столице вечером 3 марта и объявленные в Экипаже на следующий день⁸³, не подтолкнули командира к уходу со своего поста. Отставка состоялась только 7 марта, или, в крайнем случае (если допустить датировку задним числом) – 8 марта. Единственное объяснение даты такого выбора – в том, что именно поздно вечером 7 марта на заседании Временного правительства было принято решение об аресте царской семьи⁸⁴. Можно предположить, что крутые меры по отношению к царской семье повлекли за собой и давление на Кирилла – подобно тому, как чуть позднее был принужден к отставке великий князь Николай Николаевич⁸⁵. Но не менее вероятно, что Кирилл подал в отставку вполне добровольно – чтобы не выглядеть причастным к аресту. (Притом – достоверно никак публично не высказавшись против него). Не исключено, что его осведомили об этом действительно 7 марта – как только решение об аресте было принято или даже заранее.

⁷⁹ Там же. Л. 150 – 151 об., 151 об. – 153.

⁸⁰ Ф. 935. О. 1. Д. 2166. Л. 78 об. – 79 об.

⁸¹ Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 153 – 155.

⁸² Там же. Л. 158.

⁸³ В подшивке «Известий...», хранящейся в Библиотеке Российской академии наук, имеются номера 6-7 «от 2-3 марта» (2 варианта верстки), № 7 (от 3 марта, 3 варианта) и № 8 (4 варианта, 3 – от 3 марта, один датирован 4 марта). Тексты отречений Николая II и Михаила Александровича напечатаны только в № 8. В записи беседы ген. Алексева по прямому проводу с А.И. Гучковым, закончившейся около 18 ч. 30 мин. 3 марта, Гучков говорит, что «обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи»: Февральская революция 1917 года // Красный Архив. Т. 3 (22). С. 37. В этой же публикации воспроизведены документы о том, как объявление манифестов в войсках задерживалось до 4 марта.

⁸⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Том 1. Март-апрель 1917 г. / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2001. С. 49-50. Решение было опубликовано в официальном «Вестнике Временного правительства» на следующий день, но и тогда датировано 7 марта.

⁸⁵ Февральская революция 1917 года // Красный Архив. Т. 3 (22). С. 60-69.

Мемуар В.В. Дубровина, до сих пор не опубликованный целиком, цитируется только в очень легковесной книге М.А. Столяренко⁸⁶ со ссылкой на Ленинградский партархив (ЛПА. Ф. 4000. О. 5. Св. 516. Е.х. 1433). В преемнике ЛПА – Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) – эти воспоминания хранятся с почти не изменившимся шифром (Ф. 4000. О. 5-1. Д. 1433). Текст мемуара, озаглавленный «НАКАНУНЕ», набран на машинке на лицевых сторонах 5 с половиной листов – от руки написана только подпись в конце, за которой следует полное имя («Вас. Вас. Дубровин») и адрес автора на тот момент («Ленинград, Красная ул. 51, кв. 16»). Текст не датирован. Явных признаков составления текста другим лицом нет, весьма безыскусный стиль, недостаток пунктуации и орфографические ошибки выглядят подходящими для сочинения простого матроса.

Рассказ от безучастного третьего лица начинается с вводной характеристики ГЭ, в которой ничего не выглядит явно ложным или нуждающимся в проверке, кроме фразы про то, что «к началу империалистической войны он [ГЭ – В.С.] был на 300% «разбавлен» запасниками срока службы 1900 г. и моложе годов, т.е. людьми видевшими и даже активно участвовавшими в собраниях 1905-7 г.г.». Следом высказывается мнение о нецелесообразности формирования сухопутных батальонов ГЭ, а равно – подобных им сухопутных полков из моряков («Беломорского и других») в Гражданскую войну.

Большая часть остального рассказа посвящена событиям в Петрограде. Сперва автор сообщает о «предусмотрительном» (кавычки его) поступке «царских заправил» – формировании в конце 1915 в казармах ГЭ запасной роты. По словам автора, эта рота комплектовалась из специально отобранных солдат гвардейских полков петроградского гарнизона – «сплошь сыновей деревенского кулачества». Далее описывается постепенное нарастание с конца 1916 г. революционных настроений и подготовка к восстанию «на случай начала революции». Указываются разнородные факторы: как внешние (листки с выдержками антиправительственных речей в Думе, «прокламации партий с-р и с-д», «землячки» с заводов и фабрик), так и внутренние (влияние «запасных товарищей», которые «виды выдывали» в 1905 г. и позже). Уже в конце февраля на фоне волнений в городе в казармах становится известно, что прибывший в Царское Село ОБ (у автора – «батальоны») не пойдет против рабочих, а командиру экипажа «б. в. к.» Кириллу – «некогда, он тоже “за революцию”». 23 февраля к воротам казарм прибывает грузовик с рабочими Невского и Путиловского заводов, которые требуют открыть ворота. По известному восставшим плану, во дворе казарм выстраивается запасная рота во главе с кап. 2 ранга кн. Вадбольским, готовая открыть огонь по матросам, однако выстрелы с чердака рассеивают ее (Вадбольский скрывается). Матросы открывают ворота и, захватив оружие из арсенала, присоединяются к революции. Выстроившись, Экипаж под командованием «мичмана Кузмина» отправляется (очевидно, вместе с рабочими) к Крюковским казармам 2-го Балтийского флотского экипажа. Несмотря на попытку вооруженного отпора,

⁸⁶ Столяренко М.А. Сыны партии – балтийцы. Л., 1969. С. 166.

устроенную «новобранцами по приказанию шкурья⁸⁷», 2-й БФЭ в ответ на призывы рабочих и гвардейцев переходит на их сторону.

Тем временем в Царском Селе матросы отказываются охранять царицу и, после некоторых колебаний, направляются в Петроград на соединение с остальным ГЭ при самоустранении или бегстве офицеров. Засаду на Волхонском шоссе, возглавляемую ст. лейт. Хвоцинским, «снимают без единого выстрела». Наконец, «1-го марта экипаж, под командой Кирилла, будучи обстрелянным с провокационной целью на Садовой улице, потеряв лишь одного убитого с несколькими ранеными прибыл в Таврический дворец»⁸⁸.

Из пока что пересказанного явно не соответствует действительности только датировка восстания в казармах 23 февраля – будь это правдой, Гвардейский экипаж обрел бы репутацию первой восставшей части в Петрограде⁸⁹. Есть и детали, внушающие некоторое доверие: верно указаны звания ряда офицеров (кроме Вадбольского и Хвоцинского, это контр-адмирал Зеленецкий⁹⁰ и кап. 1 ранга Папа-Федоров⁹¹); в противоположность Сорокину, который почти отрицает наличие у ГЭ боевых судов⁹², Дубровин верно называет таковые: (крейсер) «Олег», (эсминцы) «Войсковой» и «Украина» («Украйна»)⁹³. Автор показывает, что верно знает план казарм ГЭ, их петроградский адрес (Екатерингофский пр., 22), маршрут от них до Крюковских казарм. Рассказ о событиях в Царском Селе по большей части укладывается в канву мемуара Сорокина за исключением того, что умалчивает о роли лейтенанта Кузьмина – притом, впрочем, что в то же время в Петрограде действует «мичман Кузьмин». Увы, поскольку мемуар Дубровина не датирован, невозможно быть уверенным, что его автор не черпал сведения о царскосельских событиях из книги Сорокина.

Проверка по документам их фонда ГЭ снижает ценность рассмотренного мемуара как источника до исчезающе малой. Дело в том, что во время революционных событий их автор отсутствовал в Петрограде: не позднее 25 февраля член музыкантско-писарской команды матрос 2 статьи Василий Дубровин был отправлен в город

⁸⁷ Сверхсрочнослужащих.

⁸⁸ Орфография и пунктуация оригинала.

⁸⁹ И современники, и историография единодушно датируют открытый мятеж войск 27 февраля, причем в качестве первого восставшего чаще всего указывается лейб-гвардии Волынский полк. В «Известиях» революционной недели от этой же даты наряду с ним «перешедшими на сторону народа» называются «Преображенский, Литовский, Кексгольмский и саперные полки».

⁹⁰ Верно сказано и о замещении им КВ в его отсутствие, и (в целом, хотя с неточностью) о том, что последний «командовал всеми морскими батальонами на фронте».

⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. О. 5-1. Д. 1433. Л. 3.

⁹² «Гвардейский Экипаж в мирное время обслуживал, главным образом, царские яхты...». Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. С. 5.

⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. О. 5-1. Д. 1433. Л. 4. Дубровин говорит о слухах, что корабли «будут вызваны из Ревеля». Единственный неназванный корабль – крейсер «Варяг» – со времени покупки у Японии и зачисления в ГЭ в 1916 г. никогда не появлялся в Балтийском море.

Романов-на-Мурмане (совр. Мурманск) в распоряжение начальника Кольской базы⁹⁴. 14 марта на основании рапорта этого начальника вышестоящий – начальник Кольского района и отряда судов обороны Кольского залива контр-адмирал Бестужев-Рюмин – приказал вернуть Дубровину прежнее звание писаря 1 статьи «за хорошее поведение и усердие к службе»⁹⁵. Точно такое же распоряжение появилось в приказе по ГЭ № 76 от 17 марта⁹⁶. По книге перемены нижних чинов возвращение Дубровина из этой командировки не прослеживается вплоть до 8 октября⁹⁷.

В том же фонде ЦГАИПД СПб находятся еще три дела с воспоминаниями Дубровина. Оказывается, в 1928 г. Дубровин написал мемуар, в котором признавал, что во время февральских событий находился в Мурманске⁹⁸. Но мало и этого: Дубровин, который, судя по всем доступным биографическим сведениям (см. ниже), родился ок. 1892 г., умудрился в 1928 г. сочинить мемуар «о прохождении обучения на Обуховском заводе матросами Черноморского флота в 1902-1906 гг.», а в 1935 г. – о событиях «Кровавого воскресенья»⁹⁹. Если в более раннем из этих текстов еще выдерживается позиция безучастного рассказчика (которая, впрочем, ввиду дат не может «спасти» источник), то в позднейшем Дубровин представляет себя участником событий, причем, судя по всему, не подростком, а взрослым рабочим. Ознакомившись со всеми этими текстами, трудно не счесть их автора завзятым сказочником.

Биографические сведения о Дубровине, добытые поверхностным поиском, скудны, хотя интересны. В беглых упоминаниях о нем, найденных нами в документах из фонда ГЭ, фигурирует срок службы 1914 г., однако в соответствующем алфавите нижних чинов Дубровин отсутствует. Нет в фонде и приемного формуляра. В одном из фондов ЦГАИПД СПб имеется дело, содержащее два экземпляра личной карточки и партбилет Дубровина¹⁰⁰. Из них мы узнаем, что мемуарист родился в 1892 г. (что соответствует сроку службы), происходил, очевидно, из Костромской губернии (Ветлужского уезда, Николошанской волости)¹⁰¹. Строевое обучение прошел в Гвардейском Экипаже. Через два года после уже известного нам членства в Мурманском совете в 1917 г., 20.10.1919 г., вступил в РКП(б) в Москве. Делая одновременно партийную и флотскую карьеру, к 1920 г. Дубровин стал комиссаром

⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 935. О. 1. Д. 2166. Л. 169 об.

⁹⁵ Ф. 935. О. 1. Д. 2193. Л. 225 об.

⁹⁶ Там же. Л. 186 об. (Копия приказа: О.1. Д. 2202. Л. 151 об.).

⁹⁷ Там же. О. 1. Д. 2166.

⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. О. 5-1. Д. 818. («Воспоминания бывшего секретаря президиума второго состава Мурманского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов о работе совета в 1917 г.»).

⁹⁹ Там же. Д. 230, 330. Ко времени просмотра нами этих дел (декабрь 2016 г.) они были перепутаны обложками. В конце воспоминаний от 09.05.1928 г. указано, что одна из копий текста была направлена в редакцию журнала «Красный флот». Мы не обнаружили этого мемуара во всей подшивке журнала за этот год (последний год его выхода – не путать с одноименной позднейшей газетой). В воспоминаниях от 1935 г. присутствует обильная рукописная правка поверх машинописного текста, с записью о возможности публикации после доработки. Такая публикация нами не обнаружена.

¹⁰⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. О. 1. Д. 696576. Партбилет № 211368.

¹⁰¹ Указаны в графах о «хорошо известных местностях в России» наряду с Петроградом и Москвой.

службы связи Штаморси Республики и начальником шифровально-телеграфной части Штаба. В 1921 г. – зав. шифротдела и заместитель (позднее – помощник) комиссара Штаба. В апреле того же года – комиссар штаба наморси Черного и Азовского морей, позднее (после, вероятно, кратковременного возвращения в Штаморси РСФСР) еще несколько месяцев – «в командировке на Юг Республики». Однако в ноябре этого же года Дубровин был исключен из РКП(б) «как дискредитирующий своими поступками советскую власть и коммунистическую партию».

Рассмотренными источниками практически исчерпывается круг воспоминаний о роли Гвардейского Экипажа в Февральской революции, написанных его же чинами. Единственное исключение составляют слова контр-адмирала Р.Д. Зеленецкого, приводимые «кирилловцами» в полемике о «красном банте»¹⁰². Но они, во-первых, и касаются только этого вопроса, а во-вторых, фигурируют в очень неаутентичном источнике: в пересказе третьего лица, опубликованном в 1939 г. – через 11 лет после смерти Зеленецкого¹⁰³. Поэтому данный «мемуар» никак нельзя отнести к значимым.

Возвращаясь к трем проанализированным мемуарам, подведем итоги проверки. Один из них (воспоминания Кирилла Владимировича) оказывается в интересующей нас части очень ложным. Другой (воспоминания Сорокина) – в некоторых утверждениях правдив, в иных сомнителен и в целом скрытен касательно роли рассказчика. Третий (воспоминания Дубровина) – отчасти правдив (но только в том, о чем мог знать любой чин ГЭ), отчасти по-прежнему нуждается в проверке, будучи, в любом случае, крайне неаутентичным рассказом человека, явно лгавшего в других своих сочинениях. При этом ни один из них сам по себе не наводит нас путем проверки на такие нетривиальные сведения, которые не были бы с не меньшей скоростью получены обращением к документам с самого начала. Нетривиальны биографические данные Сорокина и Дубровина – но это результат проверки личностей мемуаристов, а не мемуаров как таковых.

¹⁰² Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. С. 67-68.

¹⁰³ За Веру, Царя и Отечество. Однодневная газета по случаю пятнадцатилетия утверждения Корпуса Императорских Армии и Флота. Белград, 15/28 июля 1939 г. С. 3. Дата смерти Зеленецкого по: Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 179. Он же. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 549.